

УДК 821.161.1+821.0+81'44
DOI 10.17223/18137083/58/4

А. Е. Козлов

Новосибирский государственный педагогический университет

**«Двойник» Ф. М. Достоевского и «Двойник» Н. Д. Ахшарумова:
к вопросу о лингвостилевой организации вторичного текста**

Представлены предварительные результаты компаративного исследования лингвостилевой организации повести «Двойник» Ф. М. Достоевского и одноименного произведения его современника Н. Д. Ахшарумова. Рассматривая данные тексты в контексте эволюции литературного языка (Ю. Н. Тынянов, В. В. Виноградов), исследователь показывает, как в ранних произведениях Достоевского происходит фактический слом литературного стиля, выработанного пушкинским каноном. Вторичный с точки зрения сюжетной организации, «Двойник» Н. Д. Ахшарумова представляет в этом ключе компенсирующую модель, направленную на утверждение пушкинского стиля, т. е. происходит «осуществление» фабулы Достоевского в языковом регистре пушкинской прозы. Данное наблюдение позволяет предположить, что вторичный текст, возникающий в результате эстетической реакции на оригинальное и часто парадоксальное произведение, экстенсивен в своей лингвостилевой природе, что позволяет сохранить равновесие между архаистами и новаторами в истории русской культуры.

Ключевые слова: Достоевский, Ахшарумов, лингвостилевая организация, вторичный текст, русская литература XIX в., вторичность и альтернативность.

В истории литературы утвердилось мнение, согласно которому творчество Н. Д. Ахшарумова – современника Ф. М. Достоевского – лишено оригинальности, а сам писатель в течение 1850-х гг. выступает открытым эпигоном своего сильного литературного предшественника [Майорова, 1989]. С этим мнением трудно спорить, учитывая, что первым звеном в цепи доказательств становится повесть «Двойник», опубликованная в «Отечественных записках» в 1850 г. Этот литературный дебют юного Ахшарумова, что закономерно, не принес ему славы и известности; имя беллетриста Чернова, скрывшее начинающего писателя, тогда не стало звучать в сознании читателя отчетливее. Много позже, существуя в литературной орбите Достоевского и даже стремясь стать человеком его круга, Ахшарумов будет ревниво следить за каждым шагом гениального прозаика. Только

Козлов Алексей Евгеньевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия; alexey-kozlov@rambler.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2017. № 1
© А. Е. Козлов, 2017

в 60-е гг. он изменит тенденцию, отказавшись от фантастических произведений в пользу детективной беллетристики («Концы в воду», «Мудреное дело»), но в конце жизненного пути, по-видимому в знаковом для истории литературы 1883 г., он напишет роман «Под колесом», соединив мотивы «Игрока» Достоевского с фабулой светской повести 40-х гг. [Козлов, 2015].

Однако ситуация с «Двойником» Ахшарумова выглядит особенно странной и необычной в силу того, что традиционно объектом подражания становятся либо знаковые, либо прецедентные, порою резонансные тексты литературы – ни та ни другая характеристика не может быть применена к «Двойнику» с точки зрения современников Достоевского. Литературная повесть, провокационно названная поэмой, в равной мере ставшая для теоретиков натуральной школы и критиков консервативного лагеря знаком регресса и возвращения к давно пройденному, ознаменовала одну из первых крупных катастроф на писательском поприще Достоевского. В этом ключе подражание и воспроизведение данной модели является эпатазирующим обнажением вторичности, а если добавить к этому, что издана она была в 1850 г., возникает невольная проекция Достоевского и Ахшарумова на героев произведения – Голядкина-старшего и Голядкина-младшего¹.

Фабулы произведений при наличии общих событий разнятся: в повестях представлены принципиально разные формы быта – чиновника и состоятельного молодого человека, живущего светской жизнью; отличается и исход ситуации: если «Двойник» 1846-го обрывается парафразом гоголевского «Носа», а финал приключений господина Голядкина остается открытым, то в «Двойнике» Ахшарумова развязкой становится расправа главного героя Алексея Петровича Б* над своим двойником². В то же время при разнице исходов сюжетных ситуаций ряд ключевых эпизодов явным образом дублируется, обнаруживая в произведении Ахшарумова осознанное перефразирование. Наличие таких эпизодов в структуре «Двойника» Ахшарумова позволяет рассмотреть это произведение как вторичный текст, что определяет методологическую задачу исследования – компаративное изучение лингвостилевой организации вышеназванных произведений.

Заметим, что если воспроизведение фабулы в разном стилевом окружении не требует со стороны писателя глубоко развитой языковой интуиции, то имитация стиля, его воспроизведение, почти всегда составляя главную задачу, зачастую представляет практически неразрешимую проблему. Исходя из фундаментального исследования В. В. Виноградова, можно утверждать, что новаторство повести Достоевского заключалось в виртуозной игре с традицией и стилем натуральной школы: «...основной слой повести образует построенный под непосредственным влиянием гоголевского сказа деловой повествовательный стиль комического оттенка, живописующий как малейшие движения и эмоции героя, так и детали окружающей обстановки, иногда выливающийся в форму подробного перечисления» [Виноградов, 1976, с. 107]. При этом события в произведении часто соединены «в мозаичное сцепление фраз, логически не связанных, иногда механически скрепленных общностью» [Там же, с. 103]; внутреннее состояние героя передано

¹ Действительно, арест и ссылка Достоевского, буквальное выпадение его имени из литературного процесса синхронны с появлением первого произведения Ахшарумова. В этом ключе присвоение одной из ключевых идей предшественника может быть рассмотрено в контексте такой формы авторского самосознания, как представление *себя* через *другого*. В то же время интерес Достоевского к повести Ахшарумова (отраженный в письме к М. М. Достоевскому) позволяет переосмыслить редакцию «Двойника» 1866 года в контексте авторской рефлексии и осознанного оформления сюжета «от противного».

² Именно ахшарумовский вариант сюжета нашел свое развитие в поэзии Серебряного века и, в частности, в лирике А. Блока. Например: «...Знаком этот образ печальный, / И где-то я видел его... / Быть может, себя самого / Я встретил на глади зеркальной?» [Блок, 1962, с. 34].

при помощи «отдельных слов, с патетическими переборами, имитирующими магию величия, и с резким обрывом» [Виноградов, 1976, с. 103]; изменение психологического состояния описывается через «ступенчатое расположение глагольных форм» [Там же, с. 110]. Нарочитая однообразность повествовательного стиля, отмечаемые исследователем тавтологии и амплификации, а также плеонастические образования [Там же, с. 119], позволяли сделать внутренне-внешнюю речь Голядкина отчетливо патологичной. Неоднократно отмечалась и роль чужого слова в повествовательной структуре произведения [Fagner, 1965; Виноградов, 1976; Захаров, 1985; Печерская, 1989; Дилакторская, 1999; Казаков, 2012]; по замечанию Т. И. Печерской, «Двойник» построен по центонному принципу, где каждая фраза (независимо от ее принадлежности петербургскому или провинциальному контексту) резонирует с гоголевским текстом [Печерская, 1989]. Данные наблюдения показывают уникальность сказа Достоевского – сказа, оговоримся, практически не воспроизводимого в дальнейшем творчестве писателя. Выработанный им метод, требующий грандиозных интеллектуальных затрат, в некотором смысле оказался далее невозможным; с точки зрения стиля «Двойник» является тупиковой ветвью (несколько слабых ее отростков – «Хозяйка» и «Господин Прохарчин»), и его воспроизведение другим, не-Достоевским, вряд ли могло быть возможным.

В настоящий момент, не располагая возможностью оценить рукописи Ахшарумова и не имея данных о творческой истории его повести, мы тем не менее можем, отталкиваясь от журнальной публикации, дать общую характеристику его стиля. Действительно, если при очевидной разнице фабул мы могли констатировать места пересечения, сходства в отдельных событиях, то способ их репрезентации оказывается диаметрально противоположным. Во-первых, произведение Ахшарумова написано в одном стилевом регистре – это художественный стиль, осложненный отдельными канцеляризмами, но вовсе не искаженный ими. За счет такого выбора в сущности общепотребительной лексики повествовательная смена событий создает иллюзию плавного, неторопливого рассказывания. Во-вторых, если в основе повествовательной стратегии Достоевского многочисленные обрывы мыслей и фраз, зачастую создающие эффект нулевой ремы (которая нейтрализуется плеоназмами и тавтологиями), то практически каждое предложение Ахшарумова представляет законченное, пропозиционально завершенное высказывание, имеющее внутреннее членение на рему и тему с обязательным сохранением объективного порядка слов. Более того, беллетрист сохраняет принцип «золотого сечения», преимущественно ограничивая предложения или части сложного предложения 7 ± 2 словами. Иными словами, в противоположность Достоевскому Ахшарумов устраняет из речи повествователя компрометирующие его элементы, принцип диалектического двоения слова и его значения оказывается глубоко чуждым беллетристу.

Монологизм речи повествователя в «Двойнике» Ахшарумова определяется и условно выбранной формой – дневником главного героя. При этом из начального комментария следует, что предлагаемый текст – результат совокупных усилий анонимного чиновника и доктора.

Случаем достался мне в руки дневник, предлагаемый здесь читателю. Каким именно? Этого я не скажу, да и совсем не в этом дело. Содержание его показалось мне отчасти похожим на те рассказы, которые читывал я иногда, и это сходство дало мне первую мысль пустить в печать тетради, уже давно хранившиеся в моем портфеле. Но тут встретилось маленькое затруднение. Я спрашивал себя: как предложу я публике такую вещь, которая, очевидно, писана была не для нее? Надо же хоть слог несколько поправить! Надо на главы разделить, приискать эпи-

графы, дать название... А я сам, кроме казенных бумаг да переписки с родственниками, в жизнь свою не писывал ни строчки [Ахшарумов, 1850, с. 1].

Создавая такую повествовательную рамку, Ахшарумов сообщает происходящим далее событиям естественную мотивировку условности; стремительное развитие событий, органичное для повести Достоевского, оказывается в данном случае неприемлемым. Последовательно рассказывая о правках, внесенных рукой друга-доктора, в результате которых произведение произвольно сегментируется и каждый сегмент получает свою психологическую мотивировку³, Ахшарумов тем не менее не меняет стилистического регистра, в предисловии к повести нет смены стиля, язык не формирует независимых речевых пространств и не описывает говорящих субъектов, повествование едино и монохромно.

Монологическая форма, избранная Ахшарумовым, позволяет не затрачивать тех интеллектуальных усилий, которые были необходимы Достоевскому для достижения эстетического эффекта. В противоположность своему предшественнику, Ахшарумов практически до конца сохраняет ровность повествовательной интонации. Чтобы в этом убедиться, обратимся к сравнению двух эпизодов, очевидно перекликающихся на уровне фабульной организации.

В обоих «Двойниках» особую роль играет встреча с доктором, предстающим в роли трикстера и одного из главных противников господина Голядкина и являющимся бескорыстным советчиком и экспериментатором в повести Ахшарумова. Следует заметить, что релевантность этой фигуры в последующих произведениях Ахшарумова будет сохраняться, олицетворяя голос разума и рациональность.

– У меня есть враги, Крестьян Иванович, у меня есть враги; у меня есть злые враги, которые меня погубить поклялись... – отвечал господин Голядкин боязливо и шепотом.

– Полноте, полноте; что враги! не нужно врагов поминать! это совершенно не нужно. Садитесь, садитесь, – продолжал Крестьян Иванович, усаживая господина Голядкина окончательно в кресла.

<...>

...Мы лучше это оставим теперь, – отвечал господин Голядкин, опустив глаза в землю, – лучше отложим все это в сторону, до времени... до другого времени, Крестьян Иванович, до более удобного времени, когда все обнаружится, и маска спадет с некоторых лиц, и кое-что обнажится. А теперь покамест, разумеется после того, что с нами случилось... вы согласитесь сами, Крестьян Иванович... Позвольте пожелать вам доброго утра, Крестьян Иванович [Достоевский, 1846, с. 286].

– Другими словами, заметил я, – вы хотите надо мною попробовать какой-нибудь новый опыт. Не защищайтесь, доктор, это совершенно напрасно! Во-первых, я сказал вам это не в укор; а во-вторых, я не ребенок, чтобы для меня нужно было золотить пилюлю. Я сам когда-то, в старые годы, занимался медициною, и мне хорошо известно, что можно требовать теперь от этой науки и чего нельзя. Я знаю, что она и на протоптанной дороге спотыкается еще довольно часто, и потому несколько не удивляюсь и не считаю обидным, что вы предлагаете мне опыты [Ахшарумов, 1850, с. 14].

³ Игровым интенциям «Двойника» Ахшарумова, равно как и ценностной организации произведения, посвящена статья Н. В. Полковниковой [Полковникова, 2012].

Два представленных разговора имеют совершенно разную прагматическую направленность. Если беседа Голядкина с Рутенштицем является в большей мере имитацией диалога, где представлена овнешненной внутренняя речь героя, то в «Двойнике» Ахшарумова разговор с Морицем соответствует дискуссии диалогического типа, главная цель которой – обретение истины и общего знания. Восстановить смысл беседы Голядкина и Рутенштица можно, владея общей пресуппозицией (что заведомо невозможно); понимание диалога Ахшарумова не требует специального знания о жизни героя. Это наблюдение можно распространить практически на все диалоги в рассматриваемых текстах – необыкновенная конструктивность и содержательность бесед в «Двойнике» Ахшарумова, где поочередно («во-первых», «во-вторых», «наконец») затрагиваются вопросы этики и морали, как бы противопоставлены абсурдным репликам Голядкина и его окружения, в которых предвосхищается абсолютный распад языковой личности, представленный в «Господине Прохарчине».

Подобную разницу можно увидеть, говоря и об описательных фрагментах. Так, в частности, представлена встреча главного героя с убежавшим двойником в трактире:

Вдруг как будто что-то кольнуло господина Голядкина; он поднял глаза и – разом понял загадку, понял все колдовство; разом разрешились все затруднения... В дверях в соседнюю комнату, почти прямо за спиною конторщика и лицом к господину Голядкину, в дверях, которые, между прочим, герой наш принимал доселе за зеркало, стоял один человечек, – стоял он, стоял сам господин Голядкин, – не старый господин Голядкин, не герой нашей повести, а другой господин Голядкин, новый господин Голядкин. Другой господин Голядкин находился, по-видимому, в превосходном расположении духа. Он улыбался господину Голядкину первому, кивал ему головою, подмигивал глазками, семенял немного ногами и глядел так, что чуть что, – так он и стушует, так он и в соседнюю комнату, а там, пожалуй, задним ходом, да и того... и все преследования останутся тщетными, – дескать, отложи-ка попечение, сударь мой, да и только [Достоевский, 1846, с. 343].

Сначала мне показалось, будто я вижу в нем собственный образ. Странно, думал я, отчего это, в зеркале, у меня такие нахмуренные брови и такой бледный цвет лица? Я подвинулся, чтобы рассмотреть поближе то, что считал отражением своей фигуры в зеркале, но с большим удивлением заметил, что в то самое время как я делаю движение, фигура не трогается с места; тогда только пришли мне в голову два другие обстоятельства, не менее странные [Ахшарумов, 1850, с. 42].

Заметим, что лавинообразный характер развития действия в «Двойнике» Достоевского делает невозможной рефлекссию повествователя и, следовательно, читателя. Голядкин совершенно немотивированно, вне привычных для художественного текста причинно-следственных связей, приходит к некоторому пониманию; при этом категоричность сделанных выводов подчеркивается словами: «разом понял», «разрешились все затруднения». В этом отношении сознание героя Достоевского, вообще-то, восходит к донкихотовскому типу – Голядкин никогда не сомневается в происходящем, молниеносно принимая решения в изменяющейся на его глазах действительности. Герой Ахшарумова, напротив, рефлексировал появление двойника; анализируя свое состояние, он описывает его словами «показалось», «странно», «считал», «с большим удивлением» и пр., используя в речи показатели субъективности и осторожности в оценке событий.

Таким образом, разница используемых стилизованных регистров демонстрирует различие и в повествовательных модальностях как отношении говоримого слова

к явленной действительности. Мышление Голядкина, вбирая наблюдаемый им мир, алогично; эта алогичность подчеркивается принципиальной алексичностью героя. Сознание героя Ахшарумова – душевнобольного человека – напротив, предельно логично и при нарушении некоторых общих ориентиров, в его сознании значимую роль играет логическая картина мира и образующие ее константы. Это обстоятельство в конце произведения становится предметом обсуждения:

– Помилуйте, Борис Карлович! – возразил я, очень опечаленный таким объяснением дела – при всяком помешательстве бывает, обыкновенно, большая путаница и в мыслях, и в действиях человека помешанного; а в приключениях нашего приятеля, по крайней мере, если он их описывает так, как они действительно происходили, все-таки есть некоторый смысл, некоторая последовательность, совсем не похожая на обыкновенный бред сумасшедшего!..

– Эх, батюшка! Перебил меня М*: – мысли умного человека, если их и наизнанку вывернуть, все-таки останутся умными мыслями и будут лежать в системе. Поверьте моей опытности! Умный человек никогда не сойдет с ума так глупо, как дурак; а в дурацкой голове, хоть она и в здравом рассудке, все-таки будет путаница! [Ахшарумов, 1850, с. 66]

Анализ стиля и обусловленной им модальности в повести Ахшарумова «Двойник» показывает, что при внешнем подражании Достоевскому Ахшарумов намеренно избегал воспроизведения повествовательных форм, направленных на утверждение алексичной речи и алогичного действия, то есть, сохраняя интерес к сюжету, он не мог принять способов его реализации. Это означало не только отказ от повествовательных принципов натуральной школы, но и неприятие той эстетической модели, которая, будучи связанной с «Петербургскими повестями» Гоголя, получила свое завершение в творчестве Достоевского⁴. Этот отказ естественным образом подразумевает либо поиск качественно новых форм, либо возвращение к существующим и утвержденным в литературе. По-видимому, Ахшарумов избирает второй путь, возвращаясь в своем повествовании к принципам «голового» слова пушкинской прозы. Кажется важным вспомнить характеристику пушкинского стиля, данную В. В. Виноградовым в статье, посвященной стилю «Пиковой дамы»: «Пушкинский язык избегает всего того, что непонятно и неизвестно в общем литературно-бытовом обиходе той эпохи. Он не стремится к экзотике областных выражений. В литературе он чуждается арготизмов... которые все требуются самим контекстом изображаемой действительности. Пушкинский язык не пользуется профессиональными диалектами городской мелкой буржуазии... Пушкин не прибегает к разговорно-чиновничьему диалекту, как Гоголь и молодой Достоевский» [Виноградов, 1936, с. 123]. Говоря об особенностях стиля в «Пиковой даме», Виноградов подчеркивает: «...это – повесть, полная напряженного психологизма. Тем поразительнее то обстоятельство, что эмоции, переживания действующих лиц здесь не подвергаются со стороны повествователя микроскопическому анализу. Вернее сказать: они вообще не описываются и почти не комментируются в психологическом плане. Пушкин никогда не повествует о переживании как динамическом процессе, изменчивом в своем течении, противоречивом, прерывистом и сложном. Он не анализирует самой эмоции, самого душевного состояния, но присматривается к ним, как сторонний наблюдатель»

⁴ В этом контексте особо любопытным выглядит замечание А. А. Казакова: «В “Двойнике” действует именно модель реальности по Белинскому (или “гоголевская”, или “натуральная”, но доведенная до своего предела – и в этом виде не узнаваемая самим Белинским). Повесть Достоевского показывает нам специфического “двойника” натурального метода» [Казаков, 2012, с. 243].

[Виноградов, 1936, с. 125]. Вряд ли будет большим допущением попытка применить это высказывание к повести Ахшарумова. Действительно, не прибегая к разговорно-чиновничьему диалекту (притом что фиктивный повествователь – чиновник) и отказываясь от игры стилями (характерной для Гоголя и писателей «гоголевской школы»), Ахшарумов создает повесть, сюжет которой, в силу реализованного конфликта, эксплицирует состояние напряженного психологизма. При этом ни эмоции главного героя, ни окружающих его лиц практически не комментируются и роль слова с его экспрессивным значением оказывается в этом комментарии минимальной. Избранный способ позволяет Ахшарумову показать двойничество как психологический и, более того, – психиатрический феномен, совместив позиции врача-наблюдателя и безумствующего героя.

Эта гипотеза, казалось бы, разрывает представленную выше цепь доказательств о вторичности текста Ахшарумова. Однако связь его повести с произведением Достоевского несомненна. По точному замечанию авторов-составителей «Словаря языка Достоевского», слово «двойник» в повести Достоевского можно рассматривать как семантический неологизм [Словарь языка Достоевского, 2010, с. 317]; фактически, это слово оказывается присвоенным авторской системой: его использование вне авторского контекста должно было указывать на связь с петербургской поэмой писателя. Однако, моделируя особые парадоксальные речевые пространства, Достоевский использует слово «двойник» всего два раза; Ахшарумов в 20 раз больше – 40 раз. Притом что произведение Ахшарумова составляет 2,5 авторских листа, а произведение Достоевского – 5, слово-неологизм «двойник», утратившее семантическую связь с беллетристикой западноевропейского и русского романтизма, становится опознаваемым, даже навязчиво употребляемым сигналом сюжетной вторичности.

Однако самым весомым доказательством является практически прямая цитата из «Двойника» 1846 года:

Рассудив, что делать было нечего, и что я сам отчасти виноват, не поверив его предсказаниям, я заплатил ему деньги и побрел пешком по мокрому тротуару. Ночь была так темна, что я с трудом мог узнать Литейную улицу. Ветер выл, задувая фонари, дождевая вода ручьями бежала из труб, а кругом – ни души, и до Малой Морской еще очень далеко.

– Проклятая погода! – сказал я громко, с досадою отворачивая мокрый воротник шинели, торчавший без пользы у меня перед глазами: – Ну можно ли было надуть так бессовестно!

В ответ на эту выходку продолжительный хохот раздался у меня за плечами. Я оглянулся: недалеко от меня стоял мужчина, довольно порядочно одетый, но мокрый, так же как я. Лица я разглядеть не мог.

– Чего вы смеетесь? – спросил я, взбешенный его неожиданной дерзостью: вас, верно, еще не проняло? <...>

Я подошел к нему близко и стал прямо напротив. В эту минуту он поднял голову, и красный свет фонаря, падая на лицо, осветил фигуру, как две капли воды похожую на мой собственный образ [Ахшарумов, 1850, с. 26].

В настоящем эпизоде, описывая первое появление двойника, Ахшарумов сохраняет повествовательную канву повести Достоевского, скрупулезно воспроизводя даже топонимический код оригинального произведения (Аничков мост, Литейная, Малая морская улицы). Возможно, такое цитирование, в сущности обнажение повествовательного приема, выполняло и особую прагматическую функцию: тем самым Ахшарумов не только указывал на вторичный характер своего дебютного текста, но и демонстрировал возникающее несходство повествова-

тельных стратегий⁵. Чутко воспринимая новшества стиля Достоевского, он, в силу своей консервативности, сообщает стилистической системе равновесие, возвращая слову его нормативность и сосредоточивая парадоксальность на семантике событий.

Вторичный с точки зрения сюжетной организации «Двойник» Н. Д. Ахшарумова представляет в этом ключе компенсирующую модель, направленную на утверждение пушкинского стиля, т. е. происходит «осуществление» фабулы Достоевского в языковом регистре пушкинской прозы. Данное наблюдение позволяет предположить, что вторичный текст, возникающий в результате эстетической реакции на оригинальное и часто парадоксальное произведение, экстенсивен в своей лингвостилевой природе, что позволяет сохранить равновесие между архаистами и новаторами в истории русской культуры⁶. Последнее, являясь дополнительным аргументом в пользу теории литературной эволюции [Тынянов, 1977], в то же время корректирует устойчивый взгляд на вторичный текст как результат эпигонской деятельности, неполнозначимый в эстетическом смысле феномен.

Открывая дополнительные возможности герменевтического изучения вторичных текстов беллетристов русской литературы XIX в. (В. А. Вонлярлярского, М. В. Авдеева, Вас. Ив. Немировича-Данченко и других), «Двойник» Ахшарумова в то же время является значимым свидетельством формирования литературной репутации писателя. «Кому из читающей публики не известно, что коль скоро писатель не стоит во главе литературного мира, не ведет силою своего гения этот мир за собою, а скромно шествует в рядах пишущей братии, хотя бы и далеко не в последних ее рядах, – он или должен подчиниться общему течению, веянию времени, так называемому в данную минуту направлению, каково бы оно ни было, или – пройти свой тернистый путь особняком, умышленно оставляемым в тени и замалчиваемым», – писал об Ахшарумове в своем предисловии-некрологе Вл. Сорокин [Сорокин, 1894, с. 5]. Отмеченная критиком и современником *умышленность* носила двойственный характер, отражая не только прагматику критики, но и глубинные авторские интенции. «Двойник» Ахшарумова, представляющий с точки зрения лингвостилевого анализа вторичный текст, определяет профиль личности писателя, с его страстью к литературной мистификации и чужим именам в литературе и жизни.

Таким образом, утвердившаяся в истории литературная репутация Ахшарумова требует значительных корректив, определяемых как субъектом эстетической деятельности – автором и писателем, так и ее результатом – художественными

⁵ Важные наблюдения о языковой личности Ахшарумова представлены в исследовании С. Ю. Лавровой [Лаврова, 2015].

⁶ Нами также был проведен констатирующий эксперимент, направленный на анализ восприятия двух этих текстов студентами-иностранцами. Респондентами стали 80 бакалавров и магистрантов Синьцзянского педагогического университета – стажеров Института филологии, массовой информации и психологии НГПУ, изучающих русский язык свыше двух лет, имеющих опыт чтения оригинальных произведений на русском языке, в частности текстов Пушкина, Гоголя и Достоевского. Большинство респондентов указало на общие слова и тематические группы, связав два предложенных фрагмента как тематически сходных, при этом 85 % пришли к выводу, что оба фрагмента принадлежат перу одного писателя, 90 % отметили «возникшую неприязнь к сюжету и стилю». Такой результат, как кажется, приближает нас еще к одному выводу. Поскольку вторичные тексты, часто существующие в ином стилевом регистре, регулярно воспроизводя содержательную модель оригинального исконного текста, при художественном переводе эти особенности могут нивелироваться, и читатель переводного текста может быть разочарован эстетическим эффектом. Этот и другие примеры свидетельствуют о том, что вторичные тексты существуют на периферии национальной литературы, их включение в контекст мировой литературы бессмысленно в силу вторичности эстетического кода, свойства которого становятся особенно явными при изучении переводного текста.

и критическими текстами, вторичный характер которых становится знаком альтернативной идентификации в социальном и культурном пространстве XIX в.

Список литературы

- Ахшарумов Н. Д.* Двойник // Отечественные записки. 1850. Т. 69. С. 1–66.
- Блок А. А.* Страшный мир // Блок А. А. Собр. соч.: В 7 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. Т. 3. С. 7–62.
- Виноградов В. В.* Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 74–147.
- Виноградов В. В.* К морфологии натурального стиля: (Опыт лингвистического анализа петербургской поэмы «Двойник») // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избр. тр. М.: Наука, 1976. С. 101–140.
- Дилакторская О. Г.* Петербургская повесть Достоевского. СПб., 1999. 350 с.
- Достоевский Ф. М.* Двойник. Приключения господина Голядкина // Отечественные записки. 1846. Т. 44. С. 263–428.
- Захаров В. Н.* Система жанров Достоевского. Типология и поэтика. Л., 1985. 209 с.
- Казаков А. А.* Ценностная архитектура произведений Достоевского. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 253 с.
- Козлов А. Е.* К вопросу о литературной репутации Н. Д. Ахшарумова // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 30–35.
- Лаврова С. Ю.* Языковая личность Н. Д. Ахшарумова в семиотическом пространстве русской литературы второй половины XIX века (к постановке проблемы) // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2015. № 4. С. 100–107.
- Майорова О. Е.* Ахшарумов Николай Дмитриевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. С. 131–132.
- Печерская Т. И.* Поэтика повестей Ф. М. Достоевского 1840–1860-х гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1989. 16 с.
- Полковникова Н. В.* Мотив игры в повести Н. Д. Ахшарумова «Двойник» // Изв. Пензен. гос. пед. ун-та. 2012. № 27. С. 368–372.
- Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий: Г–3 / Под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2010. 847 с.
- Сорокин Вл.* Биографический очерк // Сочинения Н. Д. Ахшарумова. Библиотека Север. СПб.: Изд-во Е. Евдокимова, 1894. Т. 1. С. 2–11.
- Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.
- Fanger D.* Dostoevsky and Romantic Realism: A Study of Dostoevsky in Relation to Balzac, Dickens and Gogol. Cambridge, 1965. 207 p.

A. E. Kozlov

*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation
alexey-kozlov@rambler.ru*

«The Double» of Dostoevsky and «The Double» of Akhsharumov: to the problem of stylistic organization of a secondary text

The paper compares the stylistic organization of Dostoevsky's poem «The Double» (1846) and Akhsharumov's eponymous tale «The Double» (1850) which were published in the «Native Notes» (Otechestvennye Zapiski). The investigation of the style of these texts shows some changes in classic literature canon influenced by the Pushkin style. It is studied in the context of litera-

ture evolution (Tyn'yanov, Vinogradov). «The Double» of Akhsharumov is a secondary text, but his stylistic organization has a character of compensation. We can call it a «return», a «recognition» of Pushkin's canon through Gogol and Dostoevsky style being canceled. The Plot of «The Double» of Akhsharumov presents Dostoevsky story in the stylistic form of Pushkin «The Belkin Tales» and his other prose texts (notably «The Queen of Spades»). This observation suggests that the secondary text resulting from the aesthetic response to the original work often has a paradoxical extensive character of style in his nature, which allows maintaining the balance between archaists and innovators in the history of Russian culture.

Keywords: Russian literature of XIX century, Dostoevsky, Akhsharumov, stylistic organization, secondary text, secondary and alternative.

DOI 10.17223/18137083/58/4

References

- Akhsharumov N. D. Dvoynik [The Double]. In: *Otechestvennye zapiski* [Notes of the fatherland]. 1850, vol. 69, pp. 1–66.
- Blok A. A. *Strashnyy mir. Sobr. soch.: V 7 t. T. 3.* [A terrible world. Collected works: in 7 vols. Vol. 3]. Moscow, Leningrad, 1962, pp. 7–62.
- Dilatorskaya O. G. *Peterburgskaya povest' Dostoevskogo* [The Petersburg novel of Dostoevsky]. St. Petersburg, 1999, 350 p.
- Dostoevskiy F. M. Dvoynik. Priklyucheniya gospodina Golyadkina [The Double. Adventures of Mr. Goliadkin]. In: *Otechestvennye zapiski* [Notes of the fatherland]. 1846, vol. 44, pp. 263–428.
- Fanger D. *Dostoevsky and romantic realism: A study of Dostoevsky in relation to Balzac, Dickens and Gogol*. Cambridge, 1965, 207 p.
- Kazakov A. A. *Tsenostnaya arkhitektonika proizvedeniy Dostoevskogo* [Axiological architectonics of the Dostoevsky prose]. Tomsk, TSU Publ. House, 2012, 253 p.
- Kozlov A. E. K voprosu o literaturnoy reputatsii N. D. Akhsharumova [On Nikolai Akhsharumov's Literary Reputation]. *Siberian philological journal*. 2015, no. 1, pp. 30–35.
- Lavrova S. Yu. Yazykovaya lichnost' N. D. Akhsharumova v semioticheskom prostranstve russkoy literatury vtoroy poloviny XIX veka (k postanovke problemy) [Language Worldview of N. D. Aksharumov in semiotic space of Russian literature of 2nd part of XIX century]. *Cherepovets State University Bulletin*, 2015, no. 4, pp. 100–107.
- Mayorova O. E. Akhsharumov Nikolay Dmitrievich [Nikolay Dmitrievich Aksharumov]. In: *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]. Moscow, 1989, pp. 131–132.
- Pecherskaya T. I. *Poetika povestey F.M. Dostoevskogo 1840–1860-kh gg* [Poetics of the novels of Dostoevsky of 1840–1860]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Tomsk, 1989, 16 p.
- Polkovnikova N. V. Motiv igry v povesti N. D. Akhsharumova “Dvoynik” [The game motif in the novel “Dvoynik” of N. D. Aksharumov]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo*, 2012, no. 27, pp. 368–372.
- Slovar' yazyka Dostoevskogo. Idioglossariy: Γ–3*. Pod red. Yu. N. Karaulova [Dictionary of Dostoevsky discourse: Γ–3]. Yu. N. Karaulov (Ed.). Moscow, Azbukovnik, 2010, 847 p.
- Sorokin VI. Biograficheskiy ocherk [A biographical essay]. In: *Sochineniya N. D. Akhsharumova* [Collected works of N. D. Aksharumov]. St. Petersburg, 1894, vol. 1, pp. 2 – 11.
- Tynyanov Yu. N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. Theory of Literature and Cinema]. Moscow, 1977, 576 p.
- Vinogradov V. V. K morfologii natural'nogo stilya: (Opyt lingvisticheskogo analiza peterburgskoy poemy “Dvoynik”) [Morphology of the natural school style: (Experience of a linguistic analysis of the Petersburg poem “The Double”)]. In: *Poetika russkoy literatury: Izbrannye trudy* [Poetics of Russian literature: collected works]. Moscow, 1976, pp. 101–140.
- Vinogradov V. V. Stil' “Pikovoy damy” [Style of the “Pikovaya dama”]. In: *Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii* [Bulletin of the Pushkin researches]. Moscow, Leningrad, USSR Acad. of Sciences Publ. House, 1936, pp. 74–147.
- Zakharov V. N. *Sistema zhanrov Dostoevskogo. Tipologiya i poetika* [System of genres of the Dostoevsky prose. Typology and Poetics]. Leningrad, 1985, 209 p.